

ЕЛЕНА МУНАС

НЕВЕСТА
НОВОЗЕЛАНДСКОГО
ЛЁТЧИКА

Елена Мунас

Невеста новозеландского летчика

«Автор»

2026

Мунас Е.

Невеста новозеландского летчика / Е. Мунас — «Автор», 2026

Звонок в дверь бесцеремонно разрезал мой сонный туман. Я открыла — и на мгновение забыла, как дышать. На пороге стоял он. Лётная форма — это запрещённый приём, против которого у женщин нет иммунитета, и Вильям об этом знал. Я никогда раньше не видела его таким красивым. Он не тратил время на объяснения, словно это было в порядке вещей: облететь пол-Австралии, сойти с рейса, проехать через весь город и возникнуть на моём пороге. — Ты выглядишь усталой, — констатировал он, и в его голосе не было сочувствия, только решение задачи. — На ферме тебе станет лучше. Поехали. Всю дорогу он держал одну руку чуть выше моего колена. Машина плавно скользила по изгибам ландшафта. Электричество пульсировало между его ладонью и моей кожей, легко прошивая тонкую ткань платья. С каждым километром ток расходился по телу, а затем стал заполнять и всё пространство салона. Я смотрела на убегающую вдаль дорогу и ловила себя на мысли: пусть она не заканчивается. Пусть этот путь зациклится в бесконечность.

© Мунас Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	14
Глава 6	17
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Мунас

Невеста новозеландского летчика

Глава 1

В самый разгар новозеландского лета, а именно тридцать первого декабря, пока нормальные люди режут оливье и упаковывают подарки, я вместе с ураганом Гита прилетела в Новую Зеландию.

Мой рейс оказался почти чудом: большинство вылетов в те дни просто отменили. Дождь хлестал по иллюминатору длинными серебристыми струями, самолёт трясло и швыряло в воздушные ямы, и пассажиры то и дело вскрикивали от страха. Я сидела, вцепившись в подлокотники, и молилась. Казалось, что в небе нас держит не техника, а чистое упрямство пилотов. И они справились — их мастерство позволило нам приземлиться.

Когда колёса коснулись мокрого асфальта, я почувствовала, будто внутри меня кто-то разрезал тугий узел — напряжение наконец отпустило.

Аэропорт Окленда встретил шквалистым ветром, который врывался в автоматические двери и нёс с собой запах мокрого асфальта, соли и свежей зелени. Воздух лип к коже, волосы тяжелели от влажности.

В зале прилёта было немногочисленно. Иммиграционный офицер неторопливо пролистал мой паспорт, с трудом отыскал свободную страницу, аккуратно поставил штамп и улыбнулся: «Киа Ора».

Добро пожаловать в Аотеароа — «страну длинного белого облака» по-маорийски. Только вот в этот день облако выдалось чёрным, рваным и насквозь мокрым. Название, придуманное первыми открывателями этих земель, сейчас звучало как горькая насмешка: дождь лил так плотно, что казалось — выйдешь и поплывёшь.

Я знала, что погода в Новой Зеландии всегда была лотереей. Но с таким размахом меня здесь встречали впервые.

На этот раз Новая Зеландия превзошла саму себя. К моему приезду она приготовила самое жаркое за последние сто лет лето, а вместе с ним беспрецедентную влажность, проливные дожди, а позже и засуху с рекордным нашествием насекомых.

У выхода меня ждала дочь — с мокрыми прядями, прилипшими к щекам, в своём ярко-жёлтом дождевике, похожая на жизнерадостный маяк в серой толпе, по которому я, наконец, смогла проложить курс.

— Мам, это даже для нас перебор. Ты привезла шторм в чемодане? — спросила она, обнимая меня так крепко, что я сразу почувствовала себя дома.

Я сжала её в ответ, а потом отстранилась, пытаясь рассмотреть родное лицо сквозь липкую пелену дождя и усталости. Вопросы посыпались из меня градом, обгоняя здравый смысл:

— Как ты, родная? Сколько мы не виделись, Ана? Ты на машине? Как ты вообще добралась сюда в этот библейский потоп?

— Приплыла, — невозмутимо отшутилась она, подхватывая мою сумку. — Тут теперь каждый второй — капитан дальнего плавания по совместительству.

Моя дочь уже несколько лет строила свою жизнь на этих островах. Ирония судьбы заключалась в том, что её мужем стал человек, с которым я когда-то делила рабочие будни на Ближнем Востоке — задолго до того, как он официально приобрёл статус любимого зятя.

Ещё в те времена этот кандидат производил на меня исключительно приятное впечатление: подозрительно добрый, вопиюще интеллигентный и пугающе надёжный. Мысль пристроить его в надёжные руки собственной дочери возникала у меня не раз.

В итоге общие друзья сработали лучше любого сайта знакомств. Стоило им устроить случайную встречу, как магия сработала: они понравились друг другу, и вуаля — мой бывший коллега совершил головокружительный карьерный прыжок, превратившись в законного члена семьи.

Недавно их молодая семья переехала из столицы в самый большой город страны — Окленд. Я прилетела к ним в гости с чётким, почти генеральным планом: помочь с обустройством, выбрать идеальный диван и расставить чашки по фэншую.

Всё было распланировано. Но, как это часто бывает, жизнь прочитала мой план и молча внесла свои коррективы.

Циклон, пронёсшийся по острову в первые дни нового года, оставил нас и ещё двадцать тысяч счастливиц без связи и электричества. Вместо штурма мебельных центров мы сидели в пустом, обесточенном доме и смотрели на неистовую пляску стихии за нашими панорамными окнами.

С каждым яростным порывом ветра казалось, что наш типичный новозеландский дом — лёгкий, лишённый всякого фундамента — вот-вот снимется с места и улетит. В тот момент «унесённые ветром» звучало для нас не метафорой, а вполне реальным сценарием ближайшего вечера.

Хотя куда нам было лететь? Новая Зеландия и так настоящий край света. Ведь дальше неё — лишь только Антарктида.

Но, как оказалось, и на краю земли жизнь умеет удивлять — ураган Гита был всего лишь прологом. Настоящий шторм в моей жизни начнётся позже. И у него будет совсем другое имя.

Глава 2

Когда Гита, наконец, затихла и погода снова стала радовать ясным небом и теплым солнцем, наша жизнь заметно оживилась.

Мы с Анной перешли к решительным действиям: обзавелись мангалом внушительных размеров, элегантной посудой, которая выглядела достойно даже для самых заносчивых гостей. Но главным нашим приобретением стали глубокие кресла цвета морской волны — настолько коварные, что, однажды присев в них с бокалом коктейля, ты рисковал стать недоступным для внешнего мира до самого конца выходных.

По вечерам, когда участок подмигивал уютными фонариками, а из колонок лился бархатный перебор гитарных струн, дом оживал от голосов соседей и родственников. Смех, последние сплетни и звон бокалов наполняли воздух, в котором уже всюю хозяйничал густой аромат барбекю.

Иногда, устроившись в одном из наших кресел, я наблюдала за общим оживлением со стороны. Взгляд неизменно замирал на семейных парах, проживших вместе столько лет, что слова им давно заменила бытовая телепатия. Их безмолвный диалог был отточен сотнями вынужденных компромиссов и десятками семейных штормов, благополучно пережитых в одной лодке.

Он, азартно споря о политике, подливал ей вина — ровно столько, сколько требовала её душа, не спрашивая. Она, поблёскивая своими каратами, кормила оратора стейком, отправляя кусок ему в рот, — не слушая. Их идиллия обходилась без показухи. Они просто давно уже знали, когда и как пора поднять градус, а когда — понизить тон.

Я смотрела на это семейное единство с искренней теплотой и лёгкой, едва уловимой грустью. В такие моменты мой генеральный план по расстановке чашек по фэншую в чужом доме казался лишь жалкой попыткой отвлечься от главного. Эта тихая гармония заставляла признать: мне тоже жизненно необходим сообщник. Тот, с кем можно делить не только красивые вечера на веранде, но и нехитрое удовольствие серых будней. Кто-то, кого хотелось бы ждать дома и кто так же искренне ждал бы меня в ответ.

С каждой вечеринкой меня всё настойчивее посещали мысли, что дети выросли и живут своей жизнью. И разве это было не лучшее время, чтобы наконец подумать о собственной?

— Что ж, — наполняя себе бокал, усмехнулась я, — Вселенная делает мне недвусмысленный намёк, игнорировать который было бы просто невежливо. Оказаться в канун Нового года в новом городе, в новом доме выглядит уж слишком символичным. Наверное, пришло время дать себе шанс и на новые отношения.

Я открыла сайты знакомств. Названия некоторых звучали магически, обещая интригу и неизведанные перспективы. Чем дальше я листала страницы, тем больше убеждалась: идея не так уж плоха. Мужчин в виртуальном пространстве было в изобилии... и многие на фото выглядели вполне способными подливать вино, не спрашивая.

Глядя в телефон, я почувствовала, что поворотный момент настал — виртуальный мир приоткрыл передо мной свои двери. Не подозревая, кто именно окажется по ту сторону экрана, я решила войти и нажала «Зарегистрироваться».

Глава 3

Среди десятка утренних сообщений взгляд зацепился за одно: крепкий, бронзовый от загара мужчина картинно подпирал плечом Пизанскую башню.

Итальянец? Или просто любитель позировать на фоне чужих достопримечательностей? — подумала я и сама удивилась своей улыбке.

В мире, где мужчины на аватарках чаще всего позировали с пойманной рыбой или на фоне внедорожников, этот архитектурный атлант выглядел почти экзотично. Но что делает итальянец на местном сайте?

Наверное, он всё-таки иммигрант, — проскочила мысль, которая неожиданно согрела. В Новой Зеландии, стране вечных переселенцев, где почти у каждого в чемодане припрятана история о другом берегу, это было чем-то обнадеживающим. Европейский налёт показался обещанием лёгкости и комфортного общения. Хотя это ещё предстояло выяснить...

Мы не стали загружать друг друга вопросами, оставив их для живого свидания. Обменялись парой коротких сообщений и договорились увидеться уже следующим вечером.

А утром раздался звонок от Гарри — дяди со стороны зятя.

— Вы в Окленде? Тогда сегодня жду вас к обеду. Без вариантов.

Отказаться было невозможно: семейные узы — дело святое, так что пришлось ехать.

Путь к его загородному дому оказался тем ещё испытанием. Серпантин с крутыми поворотами и резкими перепадами высоты делал поездку не только живописной, но и утомительной. Машину мотало из стороны в сторону, уши закладывало, в висках стучало. Я смотрела в окно и на каждом вираже отчаянно надеялась, что меня не стошнит прямо в новое авто зятя.

После очередного поворота машина вынырнула на вершину — и дыхание перехватило. У всех почти одновременно вырвалось восхищённое: «Вау!»

Дом, в который мы направлялись, стоял на холме. А за ним — Его Величество океан. Не просто вода, а огромная, живая синь с тающим в серебристом мареве горизонтом. От такой красоты все мучения дороги мгновенно забылись.

Гарри уже был на крыльце. Ничего не изменилось: та же широкая улыбка, те же лукавые глаза и всё та же густая серебряная копна волос. Только, кажется, теперь это серебро заметно посветлело. От этого наблюдения мне на мгновение стало грустно.

— Ну здравствуй, красавица, — сказал он, первым делом обращаясь ко мне, и заключил в крепкие объятия. — Сколько лет, сколько зим! Когда прилетела?

Он так же тепло поздоровался с остальными, и мы прошли через дом на огромную открытую веранду. Там уже был накрыт стол, за которым сидела пара его друзей.

Вид, открывшийся оттуда, был настолько захватывающим, что сразу стало понятно: именно он — главная ценность и истинное сокровище этого места.

Несмотря на то что обед оказался простым до предела — без всяких кулинарных претензий, почти по-деревенски незатейливым, — это казалось совершенно уместным. Мягкие линии холмов и простор океана притягивали взгляд куда сильнее содержимого тарелок. С такой панорамой любая, даже самая изысканная еда всё равно осталась бы в проигрыше.

Пока остальные разговаривали, я ловила себя на том, что, любуясь пейзажем, невольно прикидываю в уме цену этого места. Дом выглядел заметно обветшалым, местами даже запущенным, но было очевидно, что стоит он астрономическую сумму. Однако дядя не собирался ни продавать его, ни всерьёз заниматься ремонтом. Его всё вполне устраивало.

После обеда Гарри решил показать нам участок и повёл меня чуть впереди остальных.

— Видишь ли, — признался он с лукавой улыбкой, шагая рядом, — у этого дома характер. Он, как и я, прилично потрёпанный, — он похлопал по облупленной стене, и старая краска

посыпалась, — но всё равно стоит целое состояние! И, заметь, — чуть наклонившись к моему плечу, добавил, — мы оба с возрастом только набираем в цене.

— Тогда тебе пора на аукцион, — ответила я.

Гарри рассмеялся и жестом пригласил всех пройти в гараж. Его ладонь уверенно легла мне на спину. Я напряглась. Он будто почувствовал это и убрал руку.

— Ты что, только что вытер об меня руку? — я обернулась и приподняла бровь.

— Ни в коем случае, — тут же отозвался он, немного растерянно глядя на свои ладони.

— Смотри, не увлекайся, — усмехнулась я, — а то так и размажешь всю свою ценность по спинам гостей.

Он снова рассмеялся, на этот раз громче и с явным азартом в глазах. А я не стала развивать тему. День был слишком хорош, чтобы портить его излишней серьёзностью.

Гараж оказался не просто местом для машин, а чем-то вроде личного музея. Хозяин был не просто любителем автомобилей — в прошлом он был настоящим гонщиком и участвовал в австралийских и новозеландских соревнованиях. Его гоночная карьера включала участие в престижных сериях, таких как «Формула-5000», невероятно популярных в семидесятых годах по обе стороны Тасманова моря.

Мы устроились рядом с автомобилями и разговор, ожидаемо свернул к трекам. Глаза Гарри светились, когда он с восхищением вспоминал трассы, годы, машины и гонщиков.

— Вот здесь я их всех сделал на последнем круге... А этот парень потом стал чемпионом мира. А я... — он усмехнулся и почти про себя добавил: — Я ж на Макларенов тогда работал. Мои родители с Брюсом на одной улице жили...

Так я и узнала, что легенда гоночной империи выросла здесь, в Окленде. Мировая история автоспорта вдруг обрела конкретный адрес, а я через дядю своего зятя оказалась всего в одном рукопожатии от её создателя.

Муж дочери послушно кивал в такт рассказу. Для него эти откровения не были новостью, да и от автоспорта он был далёк, но, как истинный новозеландец, самоотверженно сохранял на лице выражение искренней вовлечённости. Мы с дочкой наблюдали за ними со стороны и тихо посмеивались: зять давал своему дяде выговориться и героически делал вид, что слышит историю о Брюсе Макларене впервые в жизни.

Я знала, что теперь дядя увлекается гольфом — занятием, подобающим его возрасту и положению. И всё же страсть к адреналину никуда не исчезла. Живя вдали от городской суеты, он по-прежнему устраивал заезды по извилистым серпантинам. Крутые виражи и захватывающие виды позволяли ему раз за разом проживать былые гоночные дни.

После болезни и смерти жены Гарри коренным образом пересмотрел свои взгляды на уединение, быстро заработав репутацию главного ловеласа округа. Он не отказывал себе в обществе женщин самого разного, порой весьма интригующего возраста, а его дом со временем превратился в эпицентр шумных вечеринок. Особенно прославились «рождественские встречи»: на них съезжались друзья и родственники со всех уголков страны. Внуки, племянники, кузены — все знали: здесь будет весело и всегда слегка «чересчур».

Впервые мы встретились несколько лет назад на свадьбе моей дочери. Весь вечер он работал моим персональным спутником: вовремя подлитое шампанское, байки из его героического гоночного прошлого и взгляд, который задерживался на мне чуть дольше, чем того требовал этикет и звание новоиспеченного родственника.

— Если бы я был моложе... — начинал он тогда несколько раз, но на самом интересном месте благородно обрывал фразу.

Сегодня история пошла на новый круг.

— Если бы я был моложе, — тихо произнёс Гарри, когда мы оказались вдвоём у одной из машин, блестящей полированным боком в лучах заходящего солнца.

Я посмотрела на него со всей серьёзностью, на которую была способна после пары бокалов праздничного игристого:

— Послушай, моложе ты или нет, но технически мы давно уже родственники. А я, знаешь ли, принципиально против инцеста.

Он на мгновение впал в замешательство, и мне пришлось пояснить:

— Ну, а что? Вдруг у нас появятся дети... Куда нам столько наследственных сложностей?

Гарри опять расхохотался, щедро демонстрируя безупречную белизну своей улыбки — явно не из тех, что достаются по наследству.

В разговорах и шутках время пролетело незаметно. Когда вечер окончательно вступил в свои права, мы откланялись и отправились домой.

Глава 4

Почти всю обратную дорогу я смотрела в окно на пейзажи и ловила себя на мысли: новозеландские мужчины удивительным образом не стареют. Во всяком случае, внутренне. Они остаются галантными, подтянутыми. И, что особенно заметно, интерес к женщинам они сохраняют так же естественно, как хороший аппетит к сочному стейку.

Я думала о сегодняшнем хозяине дома, о его лукавой улыбке и фразе, которую он так любил начинать:

— Если бы я был моложе...

И вдруг поймала себя на неожиданной мысли: а что если бы тогда, на свадьбе дочери, я ответила ему взаимностью? Как могла бы сложиться наша жизнь?

Я вспомнила фотографии с той свадьбы. Забавно, но на многих снимках он оказывался рядом. Тогда я не придавала этому значения. Но позже они будто ненавязчиво напоминали мне о его существовании. И о его очевидной симпатии. Но не более того.

И теперь, глядя в окно автомобиля, я вдруг стала размышлять: почему же я тогда даже не допустила мысли о том, чтобы ответить ему? Ведь Гарри всегда был интересным мужчиной — умным, уверенным, с тем редким чувством юмора, которое делает разговор лёгким. К тому же в нём чувствовалась спокойная мужская энергия, которая, как теперь выяснилось, с возрастом не исчезает, а, наоборот, становится только заметнее.

И всё же в тот день я словно автоматически поставила между нами невидимую границу. Возможно, потому что он был частью семейного круга, к тому же намного меня старше. Возможно, потому что тогда я ещё жила другой жизнью, в которой для подобных историй просто не оставалось места.

А может быть, дело было в интуитивном ощущении, что некоторые симпатии лучше оставить именно такими: лёгкими, недосказанными, почти шутливыми. Иногда именно благодаря этому они и сохраняются так долго.

И всё же мысль была любопытной. Какой могла бы быть жизнь, если бы тогда, на свадьбе, я просто улыбнулась чуть иначе и сказала:

— Ну хорошо. Допустим, ты моложе. И что дальше?

И тут же в голове всплыло другое лицо — вернее, фотография. Тот самый мужчина с Пизанской башней, картинно подпирающий её плечом на своём профиле. Кстати, сколько ему было лет? Я попыталась вспомнить. Он точно указывал возраст? Или я просто мельком посмотрела и решила, что это не так уж важно?

На сайтах знакомств возраст часто такая же переменная величина, как и рост. Вдруг он соврал? Или, наоборот, оказался тем редким экземпляром, что пишет правду, не пытаясь скинуть себе пяток лет для привлечения аудитории?

Я вздохнула. А ведь мне ещё предстояло ехать на встречу с этим интернет-незнакомцем...

Ещё утром мысли об этом казались почти авантюрными и даже привлекательными, но теперь вдруг показались утомительными. Обратная дорога словно выжала из меня последние силы. Хотелось только одного — тишины, тёплого душа и возможности никуда больше не ехать.

В этот момент телефон тихо мигнул. Незнакомец из интернета спрашивал, как у меня дела. Я смотрела на экран несколько секунд, решая, хочу ли я сегодня продолжения этой истории. Потом быстро набрала текст:

«Сегодня не получится. Занята. Перенесем на завтра?»

Отправила сообщение и откинулась на спинку сиденья. Ответ пришел почти мгновенно. Было очевидно, что он ждал.

«Несколько следующих дней не получится. У меня рейсы».

Что за рейсы? О чём это он?

«Летишь в отпуск?» — осторожно спросила я.

«Хотелось бы... но отпуск не скоро. Нет, это работа».

«Что за работа?»

«Полеты. Я лётчик».

Я застыла. Лётчик? Серьёзно? Мог бы просто сказать, что занят. Зачем такое придумывать? Но на всякий случай я перечитала нашу переписку и заглянула на его страницу на сайте. Там не было ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть его слова — ни облаков, ни формы, ни штурвала — никакого намёка на профессию. Странно.

Любопытство разгорелось. А он замолчал. Я доехала до дома и уже собиралась лечь спать, когда он написал:

«Можно позвонить?»

В груди что-то ёкнуло.

«Конечно».

Его голос оказался в меру низким, немного хриловатым, но спокойным и уверенным.

— Расскажи, как прошёл день, — попросил он.

Я рассказала про серпантин, про дядю и его машины. Он слушал, иногда посмеивался.

Потом заговорил сам:

— Купил недавно ферму. Занимаюсь строительством. Дети уже взрослые — студенты. С женой давно разошлись. Ну и... летаю.

— Фермер, строитель и пилот? — переспросила я с долей скепсиса. — Ты решил освоить все мужские профессии из детских книжек сразу?

Он усмехнулся.

— Жизнь длинная. Надо успевать по нескольким фронтам.

Я замолчала, пытаясь собрать эту картину воедино. Такое сочетание казалось невероятным.

— А летаешь ты за кого? Ну, в смысле... работаешь на итальянцев?

— Почему на итальянцев? — в его голосе прозвучало искреннее недоумение.

Глядя в экран, я чувствовала, как мои фантазии об итальянском атланте осыпаются мелкой крошкой — так же активно, как раритетная штукатурка в доме у Гарри.

— Я в основном летаю в нашем регионе: Австралия, острова Океании. Но бывают и в Азию полёты, и в Европу.

— Значит, ты местный?

— Да, а в чём сомнения? — он коротко посмеялся. — Сделан в Новой Зеландии.

Мы продолжили разговор и, чем больше подробностей я узнавала, тем сильнее росло моё любопытство — уже вместе с тихим восхищением. Этот реальный масштаб впечатлял куда больше, чем подпирание башен в отпуске.

Я ответила на его вопросы, и он заметно оживился, узнав, что я бывала в Новой Зеландии раньше. Шутя заявил, что ему точно можно доверять, и предложил обменяться страницами в социальных сетях. Открыл мою прямо во время нашего разговора и через минуту вынес вердикт: ему нравится всё — мой стиль, внешность... и вообще.

На этой лёгкой ноте мы договорились встретиться после его возвращения из рейса.

— Кстати, а где ты живёшь? В каком районе? — спохватился он.

— В западном Окленде.

— Ох... — он протяжно вздохнул. — Это часа полтора езды от моего дома. И то, если без пробок. Моя ферма на юге.

Я уже знала, что расстояния в Окленде — это настоящее испытание. Пробки, непомерно высокие цены на такси и отсутствие у меня машины заметно усложняли любую встречу. Чтобы

упростить задачу, я предложила пересечься в центре: мы с дочерью скоро планируем встречу с друзьями на Видакте, и он мог бы к нам присоединиться.

— Да, давай так и сделаем.

Мы попрощались. Я сидела на своей кровати, глядя на погасший экран. В груди смешалось лёгкое волнение, усталость от насыщенного дня и какое-то странное, почти забытое предвкушение. Его голос, его уверенность и какая-то загадка, которая звучала между строк... Всё это тянуло меня к будущей встрече.

Глава 5

В Окленде хватает прекрасных ресторанов и кафе, но прибрежные — это, несомненно, отдельная категория. Их изысканное меню всегда идёт в комплекте с видом на океан и стройными рядами пришвартованных яхт.

Мы с дочерью и двумя подругами — одна из них тоже прилетела погостить в Новую Зеландию — встретились на набережной залива Видакт. Этот район построили в девяностых специально к мировой регате, и с тех пор он превратился в одно из самых живых и стильных мест Окленда: стекло, бетон, яхтенная марина, дорогие апартаменты и рестораны на любой вкус и кошелёк. А ещё — морской воздух, постоянное движение, ощущение, что ты в центре чего-то делового и важного.

Мы выбрали двухэтажный ресторан с панорамными окнами, за которыми лениво покачивалась вода. Негромкая музыка, уверенная публика и та самая безупречная подача, при которой даже хлеб на тарелке выглядит как произведение искусства.

Люди вокруг излучали спокойный достаток — они пришли сюда не просто поужинать, а лишний раз подтвердить себе и миру: «У меня всё в порядке, я на своём месте».

Расположившись вчетвером за круглым столиком, мы чувствовали себя заговорщицами, заброшенными в эпицентр чужих историй. Уютный зал дышал приглушёнными голосами, лёд мелодично звенел о стекло, а мягкий свет скользил по лицам, превращая каждого гостя в набросок к ещё не написанному роману.

Взгляды сами собой тянулись к барной стойке — главной сцене этого вечера.

— Этот точно кого-то ждёт, — шёпотом комментировала одна из нас. — Слишком часто проверяет часы для человека, который просто любит виски.

— А этот просто прячется... И, судя по всему, от самого себя, — отзывалась другая.

Мы следили за посетителями украдкой, разбрасываясь версиями, как гадальными картами. Кто-то коротал вечер в гордом одиночестве, кто-то явно рассчитывал на свидание всей жизни. Мы азартно гадали, кем окажутся их спутники: старыми друзьями, новыми любовниками, нелепыми случайностями или самой судьбой. И даже — мужчинами или женщинами. В Новой Зеландии однополые пары давно стали обыденностью, что только добавляло нашим играм вариантов и остроты.

Первый бокал игристого — и невидимые границы начали таять. Мы смеялись над чем-то совершенно пустяковым, просто оттого, что пузырьки в бокале казались ужасно весёлыми, воздух за огромными стёклами — неприлично свежим, а музыка внутри — невероятно... да просто невероятной.

Ира, как всегда, была в ударе. Она щедро делилась свежими сводками с фронтов интернет-знакомств — историями настолько абсурдными, что временами мы с девочками терялись: смеяться или сочувствовать.

— Сразу выставляю им райдер, как рок-звезда: я прихожу на шпильках и с укладкой, а ты платишь за всё, что мы выпьем, — заявляла она, и в её глазах плясали чёртики.

Ей явно доставляло удовольствие с ходу выбивать кандидатов из зоны комфорта, проверяя их нервную систему на прочность ещё до первого «привет». Такой прямолинейный подход, работающий по принципу естественного отбора, многих мужчин вгонял в ступор. Одни испарялись мгновенно, другие — из чистого спортивного любопытства — всё же назначали встречу. Но и те в самый ответственный момент находили способ ловко раствориться.

— Представляете? Сказал «сейчас закажу нам выпить» — и всё, конец связи! — возмущалась Ира с видом оскорблённой королевы.

Мы хохотали, представляя этого незадачливого беглеца. Видакт продолжал шуметь, искриться и обещать, что наш вечер, в отличие от Ириных свиданий, точно не закончится исчезновением главного героя.

В этот момент к нашему столу подошёл элегантный официант средних лет и аккуратно поставил перед нами тяжёлое серебряное блюдо. Чуть отступив, он позволил нам рассмотреть подачу. На ледяной подушке, поблёскивая перламутром, лежали раскрытые раковины, окружённые лимонными дольками и пиалами с соусом.

— «Голубой жемчуг» из залива Хаураки, — приблизился и прошептал он, словно посвящая нас в масонский заговор. — Выловили всего час назад. Вода там богатая, много света... Вкус — чистая морская нота со сладким послевкусием.

Мы невольно залюбовались блюдом, а он, словно открывая большой секрет, наклонился ближе:

— Добавьте лимон, но буквально каплю. Иначе услышите лимон, а не океан.

Я присмотрелась к нему внимательнее. В Новой Зеландии зарплата почасовая, поэтому разговорчивый официант — это либо аномалия, либо сам владелец заведения. Но нет, на хозяйина он совсем не походил. В этот момент мужчина заметно сглотнул. На его тонкой шее дрогнул кадык, и я поняла: человек обожает устрицы, а его организм прямо сейчас мучительно напоминает, что всё это великолепиие предназначено для других.

Ана решила не оттягивать удовольствие и приступила к блюду первой. Она легко подхватила раковину, выжала немного лимона и, не суетясь, поднесла к губам. Движения были почти отточенными. На секунду она задержалась, словно прислушиваясь к своим ощущениям, и затем так же спокойно позволила устрице соскользнуть. Даже выражение лица осталось невозмутимым — лишь лёгкая, едва заметная улыбка выдавала мимолётное блаженство.

— Профессионалка моя, а я всё никак к ним не привыкну.

Я последовала её примеру. Во всяком случае, постаралась. Взяла раковину чуть осторожнее, чем следовало, словно она могла выскользнуть или повести себя непредсказуемо. Слишком старательно выжала лимон. Поднесла к губам и на мгновение замерла, понимая, что одного наблюдения недостаточно — нужен опыт.

С первого раза элегантно сглотнуть устрицу у меня не получилось. Я неловко сделала несколько жевательных движений и только потом проглотила.

Вкус мне действительно понравился. Официант был прав: устрицы таяли во рту, оставляя чистое послевкусие океана.

— Так он ушёл к бару за выпивкой и просто испарился? — мы вернулись к Ириным приключениям.

— Мужчины, которые настроены серьёзно, часто обходят туристок стороной, — заметила я. — Мы для них слишком временные. Просто гости. Красивый эпизод, который не требует продолжения.

В Новой Зеландии наша внешность — это экзотика: престижно, любопытно, ярко. Знакомятся охотно, но решиться на что-то большее готовы единицы. Иностранка — это всегда визы, расстояния, переезды, чужая жизнь, которую нужно встраивать в свою. Не каждый на такое подписывается.

— Другой человек — это всегда другой мир, — философски заметила Ира, разглядывая пузырьки в бокале.

— А если он ещё и противоположного пола, и иностранец — считай, другая галактика, — добавила Ана. — По своему опыту знаю: мы с мужем до сих пор не перестаём друг друга удивлять. Не зря же говорят, что мы с разных планет — женщины с Венеры, мужчины с Марса.

— Тогда за межгалактические путешествия! — подхватили все дружно и подняли бокалы, будто за встречу с настоящими пришельцами.

Я усмехнулась:

— Кстати, мой пришелец — откуда он там на меня свалился? С Пизанской башни? Так вот, он уже пожаловался, что живу от него слишком далеко. Боюсь, сюда тоже не рискнёт приехать.

В этот момент телефон завибрировал. На экране появилось слово: «Прибыл».

Я подняла глаза на притихших подруг.

— Кажется... всё-таки рискнул.

Внезапно вечер перестал быть просто весёлым девичником и начал обещать что-то большее.

«Иду», — быстро напечатала я и встала из-за стола. Мне захотелось первой взглянуть на этого инопланетянина, прежде чем впускать его в наш шумный и немного подвыпивший женский круг.

Глава 6

Я осторожно шла вниз, крепко держась за перила винтовой лестницы. После бокала игристого эти изящные ступеньки казались особенно коварными и словно норовили выскользнуть из-под моих каблуков.

Фантазия тут же услужливо подбросила сцену: я эффектно теряю равновесие, лечу вниз, пересчитывая ступеньки всеми возможными способами, и в финале приземляюсь прямо в руки лётчику. Почти цирковой номер — не хватает только аплодисментов. В реальности за подобные эффекты обычно платят переломами, а не романтикой.

Мысль была настолько трезвой, что я даже притормозила. Взгляд скользнул на туфли — и они неожиданно потянули за собой воспоминание.

Один вечер, одно свидание. И, как ни странно, снова этот самый Видакт.

Мы познакомились в сети ещё до моего приезда. Пара лёгких сообщений — ничего обязывающего, но достаточно, чтобы оставить след в памяти. Когда я обмолвилась, что скоро буду в Окленде, он тут же позвал на кофе.

Когда я прилетела, а Гита постепенно успокоилась, мы снова списались и уточнили детали. В назначенный день я нарядилась и со спокойствием человека, который ещё не подозревает, что пополняет свою коллекцию странных историй, ждала финального подтверждения встречи.

Время шло. Тишина затягивалась. Наконец телефон ожил:

«Хочу сказать тебе одну вещь. А ты сама решишь, встречаться нам или нет».

Внутри всё нехорошо сжалось.

«Что именно? Говори», — набрала я, пока мозг услужливо подбрасывал стандартный набор катастроф: женат, пятеро детей, скрывается от полиции...

Тут же раздался звонок, и я услышала усталый, слегка высоковатый для мужчины голос: — У меня нет ноги, — произнёс он буднично, как сообщают о забытом дома зонтике.

Я замерла. Мозг отказывался обрабатывать информацию. Нет ноги? Одной? Обеих? Как это вообще встраивается в концепцию похода на кофе?

— То есть... ты не придёшь? — ляпнула я первую глупость, которая пришла в голову.

Слова повисли в воздухе, нелепые и тяжёлые. Он замолчал — видимо, переваривая масштаб моей чуткости, а потом тихо рассмеялся:

— Приду, если ты не передумаешь. Просто решил, что честнее сказать сейчас. Я пойму, если ты не захочешь...

Теперь молчала уже я. В голове, как в испорченном проекторе, замигали кадры из кино: искалеченный ветеран Вьетнама из фильма с Томом Крузом — измученный, злой, сломленный войной. Или богатый аристократ Филипп, прикованный к инвалидному креслу, ироничный, с сиделкой из гетто. Экранные образы никак не желали стыковаться с реальностью Видакта.

— Я пойму, если ты отменишь встречу, — повторил он, принимая мою паузу за тактичный отказ.

— Нет, почему же... — наконец выдавила я, стараясь вернуть голосу прежнюю уверенность. — Мы ведь уже договорились. Думаю, нам стоит увидеться.

Хотя в тот момент я сама не знала, кого пытаюсь убедить больше — его или себя.

Дочь, выкроив окно в своём плотном графике, взялась меня подвезти. Я чувствовала острую неловкость: дорога была неблизкая, и осознание того, что ей придётся мотаться туда-обратно ради сомнительного эксперимента, не добавляло мне радости.

Ехали молча. В салоне повисло тяжёлое понимание: скорее всего, это будет свидание на один раз. Когда эмоциональная связь ещё не успела проклюнуться, а на тебя вываливают такие новости, энтузиазм сдувается быстрее, чем одуванчик на океанском ветру.

Написала ему, что подъехала. В глубине души надеялась: вдруг передумает, застрянет в пробке, разглядит мои фото и испугается. Но ответ пришёл мгновенно:

«Ты в красной машине? Вижу. Переходи дорогу, я тебя встречу».

Не глядя в его сторону, я потянулась за сумкой. Дочь, глядя в окно в этот момент, спросила:

— Мам, а он... как он выглядит? Он что, чёрный?

— Не знаю, — ответила я честно. — Теперь я вообще ни в чём не уверена.

Я действительно плохо представляла, как он выглядит. В голове мелькали те же киношные образы: ветеран на костылях, человек в кресле, а теперь и новая, совсем уж абсурдная версия — здоровый темнокожий парень, вдруг поменялся ролями со своим парализованным боссом и теперь уже тот везёт его ко мне на встречу.

Это был какой-то малобюджетный ремейк знаменитого фильма, где я зачем-то согласилась на главную роль, даже не прочитав сценарий до конца.

С этими мыслями я медленно переходила дорогу, сканируя лица прохожих. Кроме отсутствия ноги, я ведь о нём ничего не знала. В сети он звался Энрике, а теперь выяснилась еще одна деталь — он темнокожий. Я искренне удивлялась собственной невнимательности: как можно было пропустить в профиле такую незначительную деталь?

Внезапно взгляд зацепился за высокого темнокожего парня, прислонившегося к перилам. В голове мгновенно щёлкнуло: он! Правда, выглядел парень подозрительно молодо. Неужели на сайте использовал чужое фото?

Решив, что терять уже нечего, я решительно сменила траекторию и направилась прямо к нему. Будь что будет.

Парень поймал мой взгляд, выпрямился и ослепительно улыбнулся. На секунду между нами возникло то самое электричество узнавания. Я уже собиралась выдать своё самое непридуманное «Привет», как вдруг он поднял руку... и радостно помахал кому-то у меня за спиной.

Я машинально обернулась. К нему быстрым шагом шла девушка с огромным стаканом кофе. Я окончательно растерялась. И в этот момент из пёстрой толпы выделилась фигура. Я сразу заметила протез, и все мои киношные образы лопнули, как дешёвый мыльный пузырь.

Передо мной стоял живой человек: среднего роста, с приятным лицом и правильными, какими-то очень гармоничными чертами. Тёплая кожа, густые тёмные волосы... Латиноамериканец? Метис? Южноевропеец? В нём смешалось столько всего, что эта неопределённость делала его неожиданно притягательным.

— Елена, привет! Я Энрике, — сказал он. И, не дожидаясь формального разрешения, легко обнял меня и поцеловал в щёку.

Его уверенность обезоруживала.

— Приве-ет... — как-то предательски слащаво протянула я, тут же ругая себя за это.

Не смея опустить взгляд ниже пояса, я с каким-то почти научным интересом рассматривала его лицо. Он был действительно хорош собой: отличная улыбка, открытый взгляд...

— Как ты? Дочка паркуется или уехала?

Что я делаю? — одёрнула я себя. — Не буду же я весь вечер сверлить его глазами, как под микроскопом. Я выдохнула и заставила себя расслабиться. Вернее, попыталась: лицо — приятное, улыбка — отличная... Но вот одежда...

У мужчин Новой Зеландии есть своя негласная униформа: шорты, сланцы и вязаная шапка. Комплект на все времена. В холода к этому ансамблю добавляется пуховик — как компромисс с климатом, но не с принципами. Брюки же существуют исключительно для торжественных случаев: свадеб, похорон и, возможно, аудиенции у королевы.

Свято чтя местные традиции и как бы намекая, что я не принадлежу к династии, на свидание со мной Энрике пришёл в майке и коротких клетчатых шортах. Словно решил с ходу расставить все акценты.

— Я припарковался вон там, — он кивнул мне за спину. — Думал, придётся делать ещё один круг. В этом месте с парковкой вечная беда.

Интересно... а брюки для протеза выбирают как-то специально? — я всё ещё мысленно разбиралась с его ногой.

Я знала, что в Новой Зеландии комфорт ценят выше впечатления, но мой внутренний голос, воспитанный на условностях, всё равно метался в поисках логики: может, другой фасон штанов стеснял бы его движения? Или шорты — это способ сразу заявить: «Вот он я, принимай как есть»?

— Пойдём прогуляемся, — сказал он и, не дожидаясь ответа, крепко взял меня за руку.

Я посмотрела на свои усыпанные стразами шпильки, на его протез, на вымощенную гладким камнем мостовую. Зачем я их надела? Ведь знала же... — я мысленно торжественно вручила себе премию «Гений года» и приготовилась к худшему.

Мы больше часа кружили по набережной. Со стороны наша прогулка, наверное, напоминала странную смесь сальсы и кизомбы — с ломаным ритмом, неожиданными паузами и вольной трактовкой движений.

Энрике оказался истинным латиноамериканцем. В нашем дуэте он отвечал за врожденную грацию, которая, кажется, была вшита в него на уровне костного мозга и совершенно не зависела от того, из чего сделана его нога — из плоти или из титана.

Я же на своих шпильках была крайне нестабильна и предательски скользила по отполированным камням мостовой. Но Энрике подхватывал меня чуть раньше, чем я успевала испугаться, и в этом заключалась главная ирония вечера: в нашем тандеме именно человек на протезе оказался самой надёжной точкой опоры. Пока я на своих двух ногах пыталась совладать с гравитацией и собственным смущением, он просто шёл вперёд, ведя меня за собой.

Когда мы наконец нагулялись и присели в небольшом кафе, Энрике рассказал мне свою историю — о жизни и пути, который привёл его из Южной Америки сюда, на край света. Я слушала и понимала: этот сюжет можно было бы напечатать и продать как бестселлер, без единой правки, прямо с листа. В нём было столько преодоления и спокойного достоинства, что мои собственные сомнения на его фоне казались просто нелепыми опечатками.

А позже он сам отвёз меня домой, так что мне даже не пришлось беспокоить дочь. И если быть честной... в целом всё оказалось не так уж плохо.

Глава 7

Погружённая в воспоминания, я спускалась по лестнице, всё ещё глядя на свои туфли и гадая, как пройдёт знакомство с человеком, привыкшим смотреть на мир с высоты облаков, а не каблучков.

Внизу царила тёплая, почти камерная атмосфера: приглушённый свет, мягкий гул голосов, тихое позвякивание посуды и спокойная музыка. И посреди всего этого великолепия стоял он.

С высоты ступенек я видела лишь силуэт мужчины, подозрительно похожего на ковбоя, только что припарковавшего свой мустанг за углом. Никакой фуражки, золотых нашивок или парадного кителя, который уже успело нарисовать моё богатое на спецэффекты воображение.

Он смотрел на меня с едва заметной улыбкой и почти осязаемым нетерпением — этот взгляд гнал меня вперёд быстрее, чем я была способна идти.

Оказавшись ближе, я смогла рассмотреть детали. Джинсы сидели на нём так безупречно, словно их кроила бригада авиаконструкторов, а ремень с простой пряжкой и старомодные туфли с длинными носами окончательно сбивали с толку. Так лёгчик или всё-таки фермер?

Поймав случайный луч света, стразы на моих туфлях вспыхнули, как сигнальные огни на взлётной полосе. Промаяхнуться мимо такой цели у летчика не было ни единого шанса. Он замер, прикованный взглядом к этому сиянию. Его полуулыбка сменилась прищуром, в котором читалось: «Как на этом вообще можно ходить?»

Я уже почти физически ощущала столкновение наших миров. Он — крупный, прочно стоящий на земле обеими подошвами своих ковбойских туфель — явно не ожидал, что женщина из сети материализуется в столь непрактичном, гламурном виде. Казалось, у него прямо сейчас рождался целый список претензий к коварным шпилькам, которые ослепляли, выглядели слишком нездешними и так бесцеремонно крали минуты его вечера.

— Привет, — наконец сказала я, и голос прозвучал чуть выше, чем хотелось. — Я Елена.
— Вильям. Вильям Смит.

Мы обменялись рукопожатием. Его ладонь оказалась крупной, тёплой и слегка шершавой. Я тут же мысленно выдала этому оправдание: его руки явно привыкли к штурвалу или инструментам, а не к клавиатуре в офисе. От этой мысли внутри колыхнулось приятное волнение — словно я коснулась чего-то настоящего, без лишней отделки.

Его пальцы сжали мою ладонь чуть крепче и дольше, чем требовали приличия, и это касание заставило нас замереть, невольно изучая друг друга.

Я смотрела в его глаза — тёмные, с едва заметными искрами, — и упрямо не отводила взгляд. Он тоже. В наступившем молчании повисло столько предвкушения, что у меня мгновенно пересохло во рту.

Похоже, мы оба остались довольны увиденным, обнаружив друг в друге куда больше интригующих деталей, чем успел пообещать сайт знакомств.

Я кивнула в сторону лестницы:

— Пойдём наверх? Там моя дочь и подруги.

Он последовал за мной без вопросов. Пока мы поднимались, я думала о том, какая всё-таки интересная штука жизнь: пять минут назад я спускалась в одиночестве, перебирая в памяти осколки совсем другого свидания, а теперь возвращаюсь уже не одна.

Предвкушение накатывало горячими волнами. Осязаемое, уверенное присутствие этого мужчины за спиной будило внутри сладкую панику — словно я занесла ногу над обрывом, забыв о парашюте, но внутреннее чутьё шептало, что он сможет меня поймать. Странно, кажется, я была совершенно не против рискнуть и проверить его реакцию.

Впрочем, разум поспешил вернуть меня на землю, напомнив, что парашют едва ли пригодится. Через несколько дней я покидаю Новую Зеландию, и никакого продолжения не будет. Наша история была обречена завершиться вместе с этим вечером. Что ж, пусть так. Короткие сюжеты хороши тем, что в них нет времени на разочарования.

Интересно, какую карту вытянут девочки теперь? Ведь еще недавно мы азартно гадали на чужие судьбы, а теперь я сама веду к нашему столику «случайность», которая вполне могла бы смахивать на ту самую судьбу.

Он присел за наш столик. Чувствовалось, что крупная, плечистая фигура Вильяма и его открытая, доброжелательная улыбка сразу произвели впечатление. Мы немного поговорили о погоде, о городе и о том, какими странными маршрутами иногда водит нас жизнь.

Подруги наблюдали за ним с нескрываемым любопытством — так смотрят на редкую птицу, прилетевшую невесть откуда в их привычный сад.

— Кстати... вы сказали, где познакомились? — неожиданно спросила Ира, глядя на него сквозь золотистые пузырьки своего бокала.

— С Еленой? Случайно, — Вильям улыбнулся чуть шире, не выказывая ни тени смущения.

— Случайно? — переспросила Ира. — Это сейчас так называют сайты знакомств?

Он посмотрел на неё внимательнее, будто оценивая силу подачи, но промолчал.

— Любопытно, — не отступала Ира. — Я всё думаю: как я могла вас там пропустить?

— Значит, мне повезло остаться незамеченным. Для всех, кроме Елены, — невозмутимо ответил он, глядя прямо на меня.

Ира фыркнула и, решив, что этот раунд остался за ним, демонстративно перевела взгляд на барную стойку.

— Мы слышали, вы лётчик. И на какую авиакомпанию вы работаете? — поинтересовалась Оля.

Я невольно прислушалась. В нашем первом разговоре он об этом не упомянул.

Вильям ответил не сразу. Он помолчал, словно взвешивая: стоит ли называть всё как есть? Не прозвучит ли правда слишком пафосно и не лучше ли оставить это в секрете, чтобы не разрушать образ простого парня в ковбойских ботинках?

— Air New Zealand, — наконец коротко произнёс он.

По столу пронёсся тихий вздох одобрения. В мире гражданской авиации это название звучало как высшая проба — элита, до которой не каждому дано дотянуться. Девочки многозначительно переглянулись: ответ был не просто солидным, он снимал все лишние вопросы. Ира на секунду сменила скепсис на живой интерес, но тут же спохватилась и снова приняла независимый вид.

Мы обменялись ещё парой дежурных фраз, но разговор больше не клеился. За этим общим столом нам двоим вдруг стало тесно. Слишком много лишних глаз мешало искренности, вынуждая Вильяма держать дистанцию, которая, кажется, теперь всех тяготила.

Он слегка наклонился ко мне и, понизив голос до той частоты, от которой внутри шевельнулось опасное любопытство, спросил:

— Может, уедем отсюда в другое место? Только ты и я.

— Хорошо, — ответила я, не раздумывая.

В этот момент стало ясно: светская часть вечера окончена. Настоящая история только начинается.

Глава 8

Мы выехали из делового центра Окленда и влились в поток скоростной магистрали. За окном потянулась изнанка города — всё то, что обычно не попадает на страницы туристических буклетов: угрюмые склады, стройки и пустыри, заросшие травой в меланхоличном ожидании лучших времён.

В какой-то момент этот индустриальный пейзаж сдался под натиском благополучия, и картина за стеклом сменилась декорациями роскошной жизни. Дорогие рестораны, пабы и особняки с неприличным количеством нулей в ценнике потянулись по одну сторону дороги, а бескрайняя ртуть Тихого океана оттеняла всё это великолепие с другой.

Солнце, вопреки позднему часу, упорно отказывалось тонуть, превращая воду в искрящееся полотно из миллионов бликов. Вильям вёл машину с небрежным изяществом, которое выдавало в нём человека, привыкшего управлять чем-то потяжелее седана. Рассказывая о местных достопримечательностях, он то и дело сканировал мою реакцию короткими взглядами — словно опытный гид, лично проверяющий, производит ли Новая Зеландия на меня должное впечатление.

— Когда я увидела твою фотографию на фоне Пизанской башни, — сказала я, улыбаясь, — подумала, что ты итальянец.

Он рассмеялся без капли притворства.

— Нет, не итальянец. Просто люблю менять широты. Та фотография... она из круиза по Средиземному морю.

— Круиз? — я с неподдельным интересом поймала его взгляд. — И как ощущения? Тебе понравилось?

— Знаешь, — он на мгновение замолчал, сосредоточенно глядя на дорогу, — такие путешествия определённо созданы для двоих. Там слишком много моментов, которые просто больно проживать в одиночку.

Он мельком посмотрел на меня:

— Ты когда-нибудь была в круизе?

— Нет, — ответила я, понимая, что мысленно уже согласна с каждым его словом. Круизы всегда казались мне историей для тех, кто едет не столько посмотреть мир, сколько делить его пополам.

Он слегка усмехнулся:

— Это было... странно, — продолжил он, легко обгоняя ползущую впереди малолитражку. — Вокруг все парами. Куда ни посмотри — все везде вдвоём... а я один.

— Один. Совсем один, — произнесла я жалобным тоном, вспомнив старый анекдот и, конечно, не надеясь на ответную улыбку.

— Да, — подтвердил он, совершенно не уловив иронии.

Какое-то время он молчал, и я невольно представила его на палубе — рослого, плечистого одинокого мужчину со стаканом сока в руке. Картинка была трогательной, хотя, честно говоря, поверить в неё было трудно: такие мужчины редко остаются в одиночестве надолго, если только сами не возводят вокруг себя крепостные стены.

— Почему ты поехал один? — спросила я, стараясь, чтобы это не прозвучало как допрос с пристрастием. — Тогда никого не было рядом?

Вильям посмотрел на меня так, будто мой вопрос застал его врасплох или сама мысль о ком-то для массовки была ему глубоко чужда.

— Не было, — ответил он.

Коротко и ясно. Но для меня эта краткость прозвучала как пустота, которую любая женщина мгновенно стремится заполнить подозрениями. Моя интуиция встрепенулась, пытаюсь

разглядеть в его молчании тени всех тех бывших подруг, что когда-то не вписались в его представление о счастливой жизни.

— И вот там я окончательно понял, — продолжил он, — хочу встретить ту, с которой можно проехать весь мир. Лёгкую на подъём, говорящую со мной на одном языке. Не просто попутчицу, чтобы заполнить пустое кресло в машине а ту, с кем легко молчать. И ещё легче — смеяться.

Он снова замолчал, словно подбирал точные слова.

— Не слишком молодую, чтобы не гнаться за иллюзиями... Но и не ту, что уже перестала верить в чудеса.

По тону было ясно: он не импровизирует. Он озвучивал проект, который давно прошёл все стадии согласования в его голове. Я поймала себя на неожиданной мысли: а знаю ли я сама, кто нужен мне?

— ...особенную, рядом с которой чувствуешь не просто присутствие, а смысл... — продолжал Вильям, и список требований начал казаться мне подозрительно похожим на техническое задание для супергероини.

— Ух ты! — не удержалась я. — Да ты, оказывается, не так уж и многого хочешь.

Он рассмеялся, на этот раз открыто и весело:

— Ладно, сдаюсь. Тогда просто ту, кто будет рядом и не испортит мне отпуск.

— Всё равно звучит как объявление о поиске редкого сокровища.

Он посмотрел на меня. Во взгляде мелькнула ирония, смешанная с чем-то очень внимательным, почти гипнотическим.

— Возможно, я уже ближе к цели, чем думаю.

Ничего себе скорость... — пронеслось у меня в голове. — Первое свидание, а мы уже фактически выбираем каюту. Что-то есть в этом парне...

— Знаешь, — добавил он, как будто подтверждая мои мысли, — я обязательно снова отправлюсь в круиз, когда встречу такую женщину.

Машина катилась дальше, океан в сумерках блестел, словно жидкое серебро, и я вдруг подумала: а ведь жизнь именно так и даёт новые шансы — без фанфар и оркестра, без предупредительных писем в почтовом ящике. Она просто кладёт этот шанс тебе в ладонь и смотрит: возьмёшь ли ты.

Глава 9

Мы прибыли в ресторан — место, выбранное Вильямом явно не наугад. Видимо, это заведение хранило в себе какие-то его воспоминания. Я не исключала, что среди них могли быть и обеды с прежними возлюбленными, но не стала заходить в своих догадках слишком далеко — вечер только начинался, и я не собиралась портить его себе подозрениями.

Мы устроились за небольшим столиком. В зале играла мягкая музыка — из тех мелодий, что приглушают гул голосов и делают атмосферу интимнее. Я уже почти расслабилась, когда заметила, что Вильям на несколько секунд задержал взгляд на барной стойке, возле которой стоял стройный мужчина в форме пилота. Они обменялись едва заметными знаками — лёгкими кивками и скупыми улыбками. Всё это выглядело так таинственно, что я не удержалась:

— Послушай, он сейчас подойдёт, чтобы передать тебе зашифрованную депешу? Или это будет ключ от сейфа с особыми указаниями?

Вильям рассмеялся:

— Боюсь, всё гораздо менее романтично. Хочешь узнать?

Мы заказали вино и лёгкие закуски. Первые же глотки превратили Вильяма в рассказчика. Я слушала его, и, хотя мысли о других женщинах нет-нет да и покалывали меня, невозможно было устоять перед тем, как умело он вплетал в историю шутки с заметным авиационным уклоном.

Однажды он пригласил на свидание стюардессу, чья улыбка, по его словам, светилась ярче посадочных огней. Как человек, привыкший доверять визуальным сигналам, он не увидел причин для тревоги. Но внезапно девушка проявила недюжинный интерес к алкоголю. Вскоре ситуация приняла оборот, не предусмотренный ни одним руководством по безопасности: стюардесса оказалась не способна не только к взлёту, но и к обычной ходьбе.

Даже в самых неловких моментах его голос оставался ровным, а глаза искрились весельем.

Я рассмеялась:

— И что предпринял ответственный командир экипажа?

— Перешёл в режим спасательной операции.

И он рассказал, как вёз её домой через весь город, на такси возвращался за её машиной, чтобы перегнать её к дому, опять вызывал такси и снова ехал за своей собственной.

— К утру я уже не понимал, где нахожусь, — добавил он. — Но точно знал, что больше так не хочу.

Как выяснилось позже, он был не единственным, кто попал в подобную зону турбулентности с этой дамой. Тот самый пилот у барной стойки пытался его предупредить ещё в самом начале вечера.

— Он подавал сигналы, — развёл руками Вильям. — Но я их проигнорировал.

Я засмеялась, представляя эту ночную логистику:

— Зато какой опыт!

— Именно. И с тех пор у меня простое правило: если интерес к напиткам превышает способность стоять на ногах — это не мой пассажир.

Он сказал это так серьёзно, что я невольно заглянула в свой бокал. Он был пуст.

— Как хорошо, что я отказалась от второго, — заметила я с максимально вдумчивым выражением лица. — Похоже, я только что прошла негласный тест на алкогольную благонадежность.

Вильям усмехнулся и откинулся на спинку стула, изучая меня с лёгким прищуром:

— Ты определённно в безопасности.

— Хотя, может, стоило выпить побольше... Раз уж ты такой мастер по перемещению транспортных средств в пространстве.

— Исключительно самолётов, — уточнил он. — С автомобилями у меня был лишь один незапланированный марафон.

— Тебе в любом случае придётся отвезти меня домой. И, возможно, это даже дальше, чем живёт твоя стюардесса.

Он чуть приподнял бровь:

— Она не моя, — произнёс он с нарочитой серьёзностью.

— Как скажешь, — послушно отозвалась я, пряча улыбку.

Мы поднялись из-за стола и направились к выходу. Пока Вильям рассчитывался у кассы, я заметила, что его знакомый пилот всё так же сидел за стойкой бара. Он не спеша потягивал свой напиток, отстранённо разглядывая публику в зале, словно зритель в театре. Заметив нас, он едва приподнял бокал, а Вильям ответил ему коротким жестом, коснувшись пальцами виска.

Через минуту мы уже были на улице и двинулись в путь. Несмотря на все шутки, я всё равно чувствовала неловкость. Дорога из ресторана до дома Аны теперь казалась мне бесконечно долгой, и меня беспокоила мысль о том, что ему придётся возвращаться к себе через весь город.

Окленд — это настоящий гигант, растянувшийся почти на сто километров вдоль узкого перешейка. Он легко выдерживает сравнение с Москвой или Лондоном, вдвое превосходя их по площади. Днём, когда солнце заливает сотни яхт у причалов, он бесспорно оправдывает своё поэтичное прозвище «Город парусов». Но сейчас, пока наша машина послушно поглощала километр за километром, я видела его совсем другим. Окленд превратился в лабиринт из бесконечных развязок, дорожных колец и гигантских расстояний.

Глава 10

На следующее утро я обнаружила в телефоне сообщение с пожеланием хорошего дня, а чуть позже — робкое предложение встретиться снова. Прежде чем ответить, я перечитала его дважды.

«Тебя не пугает перспектива проделать тот же героический путь в оба конца?» — состроила я в ответном сообщении.

Он отозвался мгновенно — спросил, можно ли позвонить.

— Ты вчера нормально добрался? — спросила я, едва мы начали разговор.

Он будто ждал этого вопроса:

— Да, вполне. Примерно через час уже был на месте. Ночь же — дороги пустые.

— Ох, неужели это так далеко?

— Ну... всё относительно, — в его голосе послышалась улыбка. — Если честно, я всегда мечтал о знакомстве с женщиной, живущей где-нибудь по соседству. Чтобы просто подвезти её после свидания и не стоять в пробках. Но, похоже, судьба решила сыграть со мной злую шутку.

— Понимаю, — с лёгким сочувствием подхватила я. — Но у тебя всё ещё есть шанс избежать дальнейших страданий. Можешь продолжить поиски более удобного варианта.

Он ответил не сразу. Пауза затянулась так сильно, что я мысленно уже попрощалась с ним, как вдруг он произнёс:

— Нет. Мне кажется, я нашёл то, что искал.

Теперь замолчала я — скорее от удивления, чем от смущения. Как быстро он это для себя решил... Эта скорость слегка сбивала с толку.

— Я хочу снова тебя увидеть. Можно я приеду?

Это «можно» прозвучало слишком осторожно для мужчины с такой уверенностью во взгляде. Его образ всплыл перед глазами так ясно, будто я снова стояла у входа в дом под мягким светом фонаря. Вспоминая вчерашнее прощание, я почувствовала тёплое волнение. Он не сделал ни одного лишнего жеста — лишь коротко улыбнулся и на секунду задержал дыхание, будто выбирал между словами и чем-то более важным.

Когда молчание затянулось, я уже почти повернулась к двери, сделала полшага но он тихо позвал: «Елена» — и остановил меня лёгким движением, словно возвращая в настоящий момент.

— Спасибо за вечер, — сказал он вполголоса и обнял — спокойно, тепло, чуть дольше, чем принято между почти незнакомыми людьми.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь, вспоминая это объятие.

— Приезжай, — ответила я.

Спустя несколько часов мы с Вильямом уже ехали в Ореву — пригородный рай с безупречным длинным пляжем и живописными валунами, которые, казалось, нарочно разложили вдоль берега — небрежно и в то же время изящно, словно рукой какого-нибудь скандинавского дизайнера.

Немного покружив по городку, мы выбрали небольшое заведение у самой воды и остановились на обед. День был прозрачный, с лёгким ветерком. Море весело играло своими волнами. За бокалом идеально охлаждённого Совиньон-блан разговор складывался легко и без усилий. Темы сменяли друг друга. От политических и экзотических мы постепенно перешли к более личным.

Рассказывая об истории своей семьи, я вспомнила бабушку, которой недавно не стало. Мой голос дрогнул, неожиданно появились слёзы. От этого стало неловко. Всё получилось как-то слишком откровенно и не к месту.

Вильям посмотрел на меня с нежностью, молча протянул салфетку и мягко коснулся щеки. Его ладонь опустилась на моё плечо, слегка сжала его, и от этого по спине прошла едва заметная, тёплая дрожь. Он замер на мгновение, словно прислушиваясь — ко мне или к себе, — а затем взял мои руки в свои. Его ладони были тёплыми, прикосновение — уверенным, и это действовало успокаивающе.

— Дорогая, — произнёс он, глядя мне прямо в глаза, — я не могу подарить тебе весь мир... — он сделал короткую паузу, словно давая словам осесть, — но я предлагаю тебе свой.

Тепло медленно разлилось внутри — густое, тягучее, как хорошее вино. Мысль мелькнула почти сразу: слишком пафосно и как-то преждевременно. И всё же — приятно. Настолько, что становилось даже не по себе.

После ланча мы спустились к океану и пошли вдоль кромки воды. Тёплый песок приятно хрустел под ногами, а волны лениво набегали на берег, оставляя после себя прохладную, быстро исчезающую влагу. Иногда вода подбиралась совсем близко, и я, смеясь, отскакивала назад. Пару раз волна накатывала так далеко, что Вильям подхватывал меня на руки, переносил через пенные ручьи. Я чувствовала силу его тела и ловила себя на мысли, что совсем не спешу высвободиться.

Воздух был солёным и свежим, чайки кружили низко, их крики вплетались в мерный шум прибоя. Всё это стирало границы, делало ощущения острее и дурманило сильнее, чем вино. Возле машины он на мгновение задержался, глядя на океан, будто что-то для себя решая. Затем повернулся ко мне и, не говоря ни слова, поцеловал. Это был короткий, уверенный поцелуй. После него уже невозможно было сделать вид, что всё осталось по-прежнему.

— Хочешь, покажу тебе мой дом? — спросил он, когда мы сели в машину. — Я купил его всего год назад, — добавил он, потянувшись за планшетом на заднем сиденье.

— В другой раз, — почему-то ответила я, откидываясь на спинку кресла. — А сейчас отвези меня домой, пожалуйста. Слишком много впечатлений для одного дня.

Он кивнул, не задавая лишних вопросов. Машина мягко тронулась. За окном медленно сменялись пейзажи, но я почти не следила за дорогой. Мысли шли своим ходом — неторопливо, но настойчиво. В его словах, даже в молчании не было фальши. И всё же внутри уже второй раз за день возникало одно и то же ощущение: слишком быстро. Не пугающе — но так, словно события слегка опережают мою готовность им соответствовать.

Когда мы въезжали в Окленд, солнце уже клонилось к закату. Небо переливалось оттенками золота и багрянца, и, любуясь этой игрой красок, я поняла, что навсегда запомню этот закат. Не потому, что он был особенно красив, а потому, что он неразрывно свяжется в моей памяти с этим странным, волшебным днём.

В тот момент я уже знала: наша история не закончится завтра. Хотя именно завтра был мой последний день в Новой Зеландии. Ночью я улетала. И мне предстояло как-то сказать об этом лёгчику.

Глава 11

Я проснулась раньше обычного, с ощущением, будто что-то уже происходит без моего участия. Телефон лежал под рукой. Стоило разблокировать экран, как догадка подтвердилась — несколько сообщений от Вильяма. Он писал их одно за другим, словно мучаясь в сомнениях, какое из них прозвучит уместнее.

Сначала — короткое «Доброе утро». Затем — предложение пообедать. И следом, почти сразу, осторожное: «А если захочешь, можем провести вместе и вечер». Улыбка сама собой тронула губы, но тут же исчезла: я вспомнила вчерашнее прощание. Тогда я всё же решилась произнести то, что тянула до последнего:

— Завтра я улетаю.

Он не сразу ответил. На какое-то время замер, будто не ожидал услышать именно это.

— Завтра?!

— Ночью.

Он провёл рукой по затылку — быстрым, почти машинальным жестом. В его голосе впервые за всё время появилось нечто похожее на растерянность.

— Я думал... у нас есть больше времени, — сказал он, и это прозвучало скорее как признание, чем как простое уточнение.

Я ничего не ответила.

Он отвёл взгляд, коротко кивнул, словно принимая новую реальность на ходу.

— Значит, один день, — сказал он. — Тогда нужно провести его правильно.

Эта фраза могла бы прозвучать легко, почти шутливо, но в ней не было прежней лёгкости. Скорее — решение, принятое слишком быстро, потому что времени на раздумья совсем не осталось. Я предупредила, что последний день принадлежит семье. Он кивнул с пониманием, лишь вскользь обронив надежду на встречу: хотел приехать в аэропорт, чтобы проводить... Если я, конечно, не буду против.

Мы условились быть на связи и действовать по ситуации. Но теперь, глядя на экран с его сообщениями, я чувствовала почти физически: вчерашнее признание всё изменило. Прежняя осторожность испарилась, уступив место мужской решимости. Лётчик явно решил не отдавать обстоятельствам ни единой минуты из того времени, что нам осталось.

Я отложила телефон, на миг задержав дыхание. День ещё толком не начался, а уже требовал от меня выбора. Нужно было на что-то решаться. Я посоветовалась с дочерью и начала собираться.

Вильям заехал ближе к полудню. Он уверенно вошёл в дом, но я заметила, что сегодня он был собраннее, чем прежде. Сдержанно поздоровался с Аной, представился остальным. Вёл себя спокойно, но без той лёгкости, которая ещё вчера казалась его естественным состоянием.

Через несколько минут мы уже ехали — навстречу нашему третьему дню, который с самого начала ощущался как-то иначе.

В машине он почти сразу вернулся к теме, которую я вчера так мягко оборвала:

— Можем поехать ко мне, если хочешь.

Он произнёс это просто, без лишнего давления, но в его голосе чувствовалось, что для него это важно — впустить меня в свой мир до того, как я исчезну за горизонтом.

Я задумалась, а нужно ли мне это... Ночью у меня был вылет, и тратить последние часы на экскурсию в жилище холостяка казалось сомнительной тратой времени.

— Посмотришь дом, — предложил он, скорее утверждая, чем спрашивая.

Я мягко покачала головой:

— Давай в другой раз, — и, чтобы не оставлять пространство для недосказанности, добавила: — Ты хотел показать мне фотографии.

Он кивнул. Легко, прямо на ходу, достал планшет с заднего сиденья, открыл галерею и протянул мне. На экране появился дом — двухэтажный, аккуратный, сдержанный, с чёткими линиями. Вильям уже говорил, что он находится в черте города, и это чувствовалось сразу: плотная застройка, соседние дома почти вплотную, минимум земли вокруг.

— Неплохо, — сказала я, больше из вежливости, чем из внутреннего отклика.

— Спасибо. Я сам его построил.

Я удивлённо подняла на него взгляд:

— Сам?

— Да. От и до. Я вообще люблю всё делать сам, — он пожал плечами, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном.

— Слишком скромно сказано для такого объёма работы, — теперь я смотрела на снимки на экране совсем иначе, с искренним восхищением.

За эти дни я поняла, что Вильям умеет многое. Его способности впечатляли, и с каждой новой деталью он открывался мне всё более разносторонним человеком.

— А это второй дом, — сказал он, когда я листала галерею дальше и остановилась на другом кадре.

Сначала я даже его не увидела — взгляд утонул в огромных зелёных лугах. Неровные, живые, словно дышащие, они тянулись во все стороны. И только потом в этом изумрудном море проявился дом — одноэтажный, немного старомодный, под яркой терракотовой крышей.

— Это... всё твоё? — спросила я, не отрывая взгляда от экрана. — Та самая ферма?

— Да, — с неприкрытой гордостью ответил он. — Недавно туда переехал.

Его гордость была оправдана: в этих краях простор — главная роскошь. Окленд, в отличие от привычных мегаполисов, не стремится вверх — он расплзается в стороны, спокойно и уверенно занимая пространство. Дома, участки, дороги — всё располагается по горизонтали. Земля не считается дефицитом, однако стоит дорого. Пригороды с их широкими владениями часто называют фермами, даже если от настоящего фермерства в них — лишь ощущение простора и тихого уединения.

Животные там скорее часть пейзажа, чем хозяйства. Кошки, собаки и, почти неизбежно, овцы. Их держат не ради прибыли, а ради порядка. Они делают то, что иначе пришлось бы делать человеку — косить траву. Обслуживание овец обходится недёшево, однако трава в Новой Зеландии растёт круглый год, поэтому овцы в этом деле — незаменимые помощники.

— Удобно и экологично, — усмехнулся Вильям. — Как видишь, у меня всё по классике: дом, участок...

Я пролистала ещё несколько снимков: земля, овцы, собаки, кошки. Мелькнули кадры с детьми — уже взрослыми, лет по двадцать. Я на секунду задержала взгляд, и он тут же поймал это движение, поспешив добавить, что любит их — глубоко и безоговорочно.

— Милые. Они живут с матерью?

— Нет, отдельно. Я отдал им свой городской дом, хотя часть времени они проводят со мной, на ферме.

— Звучит... очень правильно, — это было единственное, что пришло мне в голову.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Я засомневалась — было ли в нём признание или тихая проверка на прочность?

Продолжать тему детей не хотелось — всё и так было предельно ясно. В конце концов, я знала, какие новозеландцы образцовые отцы и что большинство из них готовы нянчить свое потомство до самого совершеннолетия. А то и дальше.

Эта реальность вызывала смешанные чувства: она восхищала и одновременно настораживала, заставляя принять себя как данность.

Почти сразу обнаружилось и другое: всего перечисленного — дома, фермы, привычного уклада — пилоту было катастрофически мало. Он не хотел доживать по сценарию, кото-

рый когда-то казался удобным. Ему была нужна не высота достижений, а глубина ощущений. Жизнь, в которой ещё оставались место для манёвра и право на свободный полёт.

— Я хочу, чтобы рядом был человек, с которым не скучно просыпаться, — произнёс он, глядя куда-то поверх меня. — Чтобы не просто «спокойно», а...

Он продолжал говорить, но мои мысли заглушили его речь. Я видела, как двигаются его губы, как он жестикулирует, но смысл слов тонул в моём собственном открытии: в нашем возрасте люди обычно ищут тихую гавань, а не шторм. Вильям же искал другого.

На моей родине всё было иначе. Мои ровесники давно выбрали стабильность: выверенный круг общения, понятная карьера, жизнь без лишних поворотов. Надёжно, уютно и безнадежно скучно. Для них жизнь превратилась в эпилог с подведением итогов, а Вильям жил с ощущением, что впереди — новая глава.

Я смотрела на него и чувствовала: этот человек не боится перекраивать себя заново в поисках того самого фрагмента, без которого счастье — лишь глянцевая картинка. И в этой его жажде жизни было что-то пугающе притягательное.

— ...понимаешь? — его голос вдруг прорвался сквозь завесу моих раздумий, возвращая меня в реальность.

В эти дни Вильям присматривался ко мне, и в его долгих взглядах читался немой вопрос: впишусь ли я в ту историю, о которой он мечтает? Стану ли тем самым «не скучно»? Но у меня был собственный встречный вопрос: хочу ли я сама становиться частью чужого сценария? И не окажется ли он тем, кто перепишет мою личную историю до неузнаваемости? Тот ли я человек, которого он ищет, и, что важнее — тот ли он человек для меня?

Эти мысли требовали тишины и долгого осмысления, но Вильям, как всегда, выбрал действие.

— Поедем пообедаем? — прервал он затянувшуюся паузу. — Я знаю одно хорошее место.

Глава 12

Мы приехали в его любимый тайский ресторан — крошечный частный дом, буквально утопающий в тропической зелени. По тому, как просияла хозяйка, стало ясно без слов: лётчик здесь частый гость.

Внутри было тепло и пряно. Мы устроились у окна, за которым всё тонуло в густой зелени. Дождь снаружи вёл себя нерешительно: то замирал, словно затаив дыхание, то вновь обрушивался на широкие листья тяжёлыми, шумными каплями.

Обедали неторопливо, почти церемонно — словно цеплялись за каждое ускользающее мгновение, отчаянно пытаясь замедлить время. Вкус зелёного карри, прохладная жасминовая вода, его взгляд, безотрывно скользящий по моему лицу — всё это впитывалось в память, как запахи — в тяжёлые скатерти и деревянные стены этого дома.

До рейса оставалось несколько часов, но они казались чужими, словно уже не принадлежали нам, а были собственностью того мира, который вот-вот заберёт меня прочь.

— Устала? Поехали в отель, — предложил он. — Тебе нужно немного отдохнуть перед полётом.

— В отель? Нет, спасибо, — я почти возмутилась. Эта мысль показалась сейчас почти кошунственной.

Вместо отеля мы попытались выйти к океану, но небо передумало быть снисходительным. Ливень хлынул стеной, загоняя нас обратно в машину. Мы включили печку, чтобы обсохнуть, и просто сидели молча, наблюдая, как на лобовом стекле дождевые капли объединяются в тяжёлые струи и скатываются вниз. Дворники двигались лениво; их натужное поскрипывание выдавало возраст автомобиля и в точности попадало в такт моему настроению.

Казалось, что дождь не закончится никогда. Время вязло, как сироп на холодной тарелке, и сопротивлялось каждому движению вперёд. Я вспомнила о семье: сейчас я могла бы греться в их уютном доме. Но возвращаться к дочери не было смысла — мы уже попрощались, и мой чемодан, холодный и тяжёлый, лежал в багажнике.

Наконец мы тронулись. Вначале немного покружили по городу, затем выехали на автостраду, и дорога сама, вопреки моему желанию, привела нас в аэропорт.

Мы въехали на огромную полупустую площадку, открытую всем ветрам, и здесь время окончательно превратилось в густой, липкий туман. Мы всё ещё сидели в машине и снова молчали. Казалось, все слова уже сказаны, и паузы между редкими фразами растягивались до бесконечности.

Я физически ощущала растущую пропасть: через пару часов я исчезну в небе. Двенадцать часов до Малайзии, ещё восемь — до моего города. Почти сутки полёта в пустоту. И он это знал. Мысль о неизбежной разлуке висела между нами, делая наш короткий роман пугающе нереальным — случайный эпизод, сбой в расписании, который слишком быстро и так некстати стал для нас важным.

— Ещё два часа до регистрации. Может, всё-таки в отель? — голос Вильяма прозвучал глухо. Его рука скользнула по моим влажным волосам, медленно, почти благоговейно, будто он пытался запомнить их на ощупь.

— Не думаю, что это хорошая идея, — отозвалась я. Но это была лишь формальность — обязательный, но уже ничего не значащий ритуал перед тем, как окончательно сдаться.

Мои слова запоздали. Его близость уже была слишком ощутимой — спокойной и уверенной. Он наклонился чуть ближе, его губы коснулись моих — мягко, почти вопросительно, словно оставляя мне последний шанс на отступление.

Я не отступила. Мы перебрались на заднее сиденье, в наш тесный и единственный приют, и мир за окнами растворился. Под нарастающий рокот ливня и глухие раскаты грома мы цело-

вались. Сладкая истома разливалась по телу, стирая страх и логику, и я уже почти жалела, что была такой благоразумной и отказалась от отеля.

Глава 13

Два часа растворились в одном бесконечном мгновении. Мгновении, в котором не нужно было ничего решать, ничего объяснять. Только чувствовать.

Пришло время идти в аэропорт. Мы вышли из машины, и реальность обрушилась на нас сыростью и холодным ветром. Вильям легко, будто играючи, выгрузил мой чемодан из багажника и даже не подумал поставить его на землю — просто подхватил и понёс в руке, старательно обходя лужи на мокром, пахнущем дождём асфальте.

— Поставь его на землю и кати, — посоветовала я. — Он тяжёлый. В этот раз я явно переоценила возможности своего гардероба. Наверняка придётся доплачивать за перевес.

— Килограммов двадцать, не больше, — бросил он с уверенностью, которая не требует подтверждения приборами. — Всё будет нормально.

— Я знаю вес своих вещей почти на ощупь, — не сдавалась я. — Там лишних пять килограммов, не меньше.

— Нет, — коротко сказал он, словно ставя точку в споре.

Мы зашли в здание терминала. Привычный гул, обрывки объявлений и суета пассажиров стали лишь фоном, на котором я пыталась справиться с тяжестью момента, давившей на плечи сильнее любого багажа.

У стойки регистрации Вильям замедлился. Он наконец опустил чемодан на пол и тут же приготовился поставить его на весы, но вдруг передумал. Выражение лица стало сосредоточенным, почти серьёзным. Внимательно глядя мне в глаза — слишком внимательно для обычной шутки, — он сказал:

— Давай заключим пари. Если твой чемодан весит двадцать килограммов, ты выйдешь за меня замуж.

— Что?.. — слова застряли где-то между удивлением и смехом. — Ты сейчас серьёзно? Третий день знакомства? Ты о чём вообще?

Он не ответил. Никаких дежурных улыбок или попыток перевести всё в шутку. Просто поднял чемодан и опустил его на ленту, словно ставил на кон всё, что у нас было. Цифры на табло замигали и замерли: двадцать килограммов двести граммов.

Мы переглянулись. Эти лишние двести граммов выглядели как насмешка или как изящная погрешность, которую судьба оставила нам «на чай». Воздух вокруг стал густым. Это было слишком точное попадание, чтобы списать его на удачу, и слишком безумное, чтобы принимать всерьёз. Казалось, кто-то там, наверху, просто решил подтолкнуть меня к решению, выведя вес моего будущего до грамма.

В кафе на втором этаже было тише. Звуки аэропорта остались где-то внизу, у лент сдачи багажа. Мы заказали по бокалу пино-нуар. Вильям держал мою руку так крепко, словно боялся, что я испарюсь вместе с паром от кофе за соседним столиком. Время растягивалось, становясь почти осязаемым, и каждый взгляд, каждое прикосновение снова задерживались чуть дольше, будто так мы могли сохранить их для себя, не дать этому дню закончиться слишком быстро.

Я смотрела на его пальцы и думала об этих цифрах: двадцать килограммов... Граница между случайностью и неизбежностью оказалась опасно тонкой.

— Я не шучу, — прервал он молчание. Голос был тихим, но в нём слышался металл. — Насчёт предложения. Я совершенно серьёзен.

Он поднёс мою руку к губам и, не отводя взгляда от моего лица, медленно поцеловал. Тепло этого поцелуя обожгло кожу, оставив в груди странное, почти болезненное чувство. Его пальцы чуть сильнее сжали мою ладонь, как будто он и правда боялся, что я исчезну, стоит только ослабить хватку.

— У тебя будет время подумать, — добавил он ещё тише. — Как скоро ты сможешь вернуться?

Я улыбнулась, надеясь, что он не заметит дрожи и неуверенности в моём голосе:

— О, да... Времени подумать будет более чем достаточно...

Мне не хотелось ничего объяснять и рушить этот момент реальностью визовых сложностей. Сейчас это не имело значения.

Пришло время идти на посадку. Мы остановились там, где дальше уже нельзя было идти вместе. Вильям притянул меня к себе — без лишних слов, властно и уверенно.

— Напишешь, когда приземлишься? — спросил он.

— Конечно.

Он кивнул, затем снова, ещё крепче, обнял меня.

— Ты вернёшься, — сказал он тихо. Не спросил — именно сказал.

Я улыбнулась ему на прощание непонятной улыбкой, за которой можно спрятать всё что угодно. И ничего не ответила.

Глава 14

Самолёт летел в Малайзию, а я застряла в последних трёх днях моей жизни, прокручивая их в голове до мельчайших деталей. Это был фильм, который невозможно поставить на паузу: фразы, взгляды, интонации. Его уверенность, моя осторожность — настоящий калейдоскоп из обрывков того, что мы не успели прожить до конца.

Я не собиралась себе лгать — лётчик мне нравился. Но за этой симпатией стояла пугающая неизвестность. Он жил вне привычных мне рамок. Его будни напоминали фантастическую хронику: вечное движение, гул моторов, калейдоскоп стран. В моей голове пока не было схемы, куда можно было бы вписать такого человека. И всё же в этой его реальности, вопреки всякой логике, я вдруг увидела место для себя.

После его развода прошло достаточно лет, чтобы раны затянулись, превратившись в ровную кожу. Его дети выросли, у них была своя жизнь. Сложилась почти идеальная ситуация, которая мне подходила.

Но страх... он не исчезал.

Меня пугала не просто Новая Зеландия. Меня пугала сама идея дистанции. Целые сутки в воздухе — это не просто перелёт. Это выбор. Дорогие билеты, визы, планы, которые нужно строить заранее... Расстояния, которые невозможно измерить километрами — только решимостью.

Хотя кого я пыталась обмануть? На другом конце мира жила моя дочь. Я уже научилась преодолевать океаны и часовые пояса, превращая огромную планету в цепочку знакомых аэропортов. Значит, дело было вовсе не в географии, а в том, готова ли я снова впустить кого-то так близко.

Когда после двенадцати часов в небе я наконец шагнула в густой, влажный воздух Малайзии, внутри что-то неожиданно щёлкнуло. Спор с самой собой закончился. Противоречия, которые казались неразрешимыми на высоте десяти тысяч метров, на земле просто растворились. Осталось только одно простое, почти удивляющее своей ясностью чувство: со мной произошло что-то по-настоящему хорошее.

Я включила телефон. На экране посыпались уведомления. Среди них было несколько сообщений от Вильяма. Одно — с вопросом, коротким и совершенно в его стиле: «Хочешь со мной где-нибудь встретиться? Например, мы можем сделать это в Таиланде».

Я невольно улыбнулась. Такой поворот сюжета меня не пугал. Наоборот, он казался почти естественным продолжением. Его решительность больше не сбивала с толку. Она мне нравилась.

Без долгих раздумий я ответила коротко: «Да».

И с лёгким, почти искрящимся ощущением радости я вышла из здания терминала навстречу шуму города. Моя следующая поездка была к морю, и мне срочно нужно было купить что-нибудь вызывающе красивое для этого нового, незапланированного будущего.

Глава 15

Я вернулась домой ровно в день своего рождения. И почти сразу, словно не давая реальности вступить в свои права, в дверь позвонила доставка.

На пороге меня ждал роскошный букет роз от лётчика. Аромат наполнил квартиру тихим напоминанием о приятных моментах. Что ж... начало было безупречным. Конфетно-букетный период начинался многообещающе.

Мы не стали тянуть. Почти сразу, будто боясь упустить ритм, начали обсуждать нашу встречу в Таиланде. Даты, рейсы, пересадки — незаметно всё это перетекло в многочасовые разговоры и нескончаемые сообщения. Мы будто жили в одном непрерывном диалоге. Время перестало подчиняться привычному распорядку.

Из-за разницы в часовых поясах мои ночи сместились к утру. Я засыпала под его голос и просыпалась от его сообщений. А он писал мне оттуда, где для большинства людей нет ни связи, ни привычной реальности — с высоты десяти тысяч метров.

— Смотри, какой красивый закат над Сиднеем, — приходило от него. — Я запишу видео во время снижения.

И следом шли кадры, снятые прямо из кабины пилота.

По собственному опыту частых перелётов я знала: когда судьба улыбалась мне, награждая креслом у иллюминатора, это была не просто возможность прислониться к стенке и немного поспать. Это был очередной шанс быть выше облаков, видеть мир сверху так, как это доступно лишь тем, кто летит. Мне нравилось ловить мимолётное чувство отрешённости от земли, казавшееся чем-то грандиозным.

Но оказалось, всё, что я видела до сих пор, было лишь робким взглядом сквозь щёлку в заборе. Мир Вильяма был совершенно другого масштаба.

Кабина пилота с панорамным обзором раскрывала пространство почти на сто восемьдесят градусов. Горизонт тянулся непрерывной линией, без единой преграды, и вместе с ним открывалась вся география планеты — живая, подвижная, меняющаяся каждую минуту. Иногда Вильям выходил на связь прямо из полёта. Его камера мягко скользила вдоль лобового стекла, и это выглядело так, словно кто-то медленно листает живой атлас Земли.

Но важнее были не сами виды, а то, как он о них говорил. Я слушала и понимала, что он показывает мне не только землю с высоты — он открывает свой способ её видеть.

— Посмотри на это, — говорил он, когда за его спиной медленно тянулась цепь облаков, подсвеченных закатом. — Такое невозможно придумать. Можно только создать. Природа — это не случайность. Это замысел. Это чья-то работа. Я каждый раз думаю об одном и том же: Бог был невероятно щедр, когда создавал этот мир.

И фотографии этого мира, как будто собранные им в личное портфолио Творца, заполняли память моего телефона даже быстрее, чем я успевала их пересматривать. Бескрайняя гладь океана, выжженные австралийские пустыни, изумрудные острова, острые горные пики, разноцветные холмы, тёмные кратеры вулканов — каждый кадр вызывал у меня восторг, и мне трудно было отрицать божественное авторство всего этого великолепия.

Казалось, за эти два месяца я вместе с лётчиком облетела всю Океанию. Теперь же настало время оказаться в Азии. В Таиланде. Только уже не через экран, а по-настоящему.

— Совсем скоро мы увидимся... Я так волнуюсь.

— Да, уже очень... скоро.

Однажды я вдруг услышала в его голосе что-то неуловимо глухое, будто он говорил из другого помещения... или из другого решения.

— Не слышу энтузиазма. Что-то случилось?

Он помолчал.

— Нет... просто... не знаю, как сказать об этом детям.

— О чём?

— Они недавно говорили, что хотят полететь в Таиланд. И я не понимаю, как объяснить, что лечу туда... без них, — он выдохнул.

— Мм... даже не знаю... Они у тебя взрослые, поймут. Должны понять. Скажи им, не тяни.

Но он тянул. И через несколько дней разговор повторился. Он всё так же медлил и боялся сообщить детям о предстоящей поездке. И в этой нерешительности он открывался для меня с неожиданной стороны.

— Послушай, — начала я осторожно, — но ты ведь и так по несколько дней в неделю в рейсах...

— Да. Вот и думаю сказать, что лечу по работе. А про Таиланд умолчу.

Я почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Не понимаю зачем? Зачем начинать со лжи?

Он не ответил.

Вечером пришло короткое сообщение: «Ты не будешь против, если я прилечу в Таиланд с детьми?»

Я смотрела на экран дольше, чем следовало... и в это время почти физически ощущала сомнительный шарм коллективного отпуска.

«Буду», — наконец написала я. Возможно, резко, но честно.

После этого разговора мне показалось, что всё начинает рассыпаться. Мы почти ничего не обсуждали. Сообщения приходили реже, ответы стали короче, а паузы между ними — длиннее. Он будто отступал шаг за шагом, не объявляя об этом вслух. А за несколько дней до поездки и вовсе исчез.

Я пыталась объяснить это логикой: перед отпуском у него плотный график, бесконечные рейсы, дикая усталость. Но внутри росло другое ощущение — тихое, упрямое: дело не в работе. Пытаясь нащупать причину, я тонула в догадках и в какой-то момент поймала себя на мысли: а что, если он просто боится нашей близости? Мужчине ведь жизненно важно быть безупречным, чувствовать абсолютную уверенность в себе и своём теле, особенно в первую встречу. Вдруг у него есть проблемы, о которых не принято говорить вслух, и этот страх заставляет его бежать? В наших прошлых, почти интимных разговорах я пыталась вспомнить хоть какой-то намёк на это, но ничего подозрительного не находила. И всё же тревога не уменьшалась.

Прямого рейса на Пхукет у меня не было. Я летела с пересадкой и должна была вылететь раньше, чем Вильям из Окленда. Волнение росло с каждым часом. Оно стало почти физическим — как напряжение перед чем-то, что уже невозможно отменить.

Накануне вылета он вышел на связь всего один раз.

«Поранил ногу», — написал он и прислал фото ноги и ссадин.

Я тут же ему перезвонила.

— Бедняга. Как это случилось?

— Щенок, которого завели дети, уже подрос и стал убежать. Носится по соседним фермам, пугает овец. Я постоянно слышу его лай откуда-то издалека. Нужно заняться обучением, но ни у кого не доходят руки. Вчера был рейс в Сидней, я не мог его бросить — хотел поймать и закрыть в доме. Пришлось побегать по холмам. А тут ещё этот дождь — скользко... Похоже на растяжение.

— О боже... Надеюсь, это не перелом?

— Если честно, не уверен. Болит.

— Как же ты работал потом?

— С Божьей помощью.

Я думала, он отшутился, но нет. Он был серьёзен. С этой новостью и большими сомнениями насчёт нашей встречи я отправилась на свой рейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.